

Размышленія ружейнаго охотника съ гончими.

Первая полевая проба гончихъ собакъ, наконецъ-то, слава Богу, состоялась и, право, словно тяжелая ноша свалилась съ плечъ, явилась надежда на будущее. Какъ работали собаки на этомъ первомъ испытаніи и, кто изъ нихъ отличился, — мы знаемъ изъ корреспонденціи, и я въ разсмотрѣніе всего этого и не вхожу. Однимъ словомъ, оказалось, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и что испытанія сравнительно настолько удобоисполнимы, что Московское Общество Охоты рѣшило съ 1902 года расширить правила полевыхъ испытаній и допустить до состязанія стайки и стаи. Эта мѣра желательная и во всякомъ случаѣ дастъ возможность увеличить количество состязающихся собакъ, словомъ, дѣло это начато инициативой стойкой, энергичной, которую не сломятъ могущія вначалѣ встрѣтиться недоразумѣнія. Въ добрый часъ!

Однако все-таки грустно какъ-то дѣлается за нашу костромскую гончую; совѣмъ почти пропала и угасла эта порода, и странно, что восточная гончая побита западной кровью. Неужели западная порода гончихъ древнѣе восточныхъ? Или случилось это отъ безтолковаго веденія породъ? Да и куда дѣлась эта прежняя ладная, богатырски сложенная и сухая собака съ короткой, сбитой колодкой, ребромъ, заходящимъ за локотки переднихъ ногъ, съ короткимъ, треугольникомъ, ухомъ, словомъ, слитая, какъ изъ бронзы, глядя на которую,

не могло и прийти на умъ, что черезъ день этой собакѣ потребуется дневка, иначе ослабнетъ, спадетъ съ тѣла, подохнетъ и откажется работать,—собака такая, которая была всю осень въ работѣ и почти каждый день; выпадала пороша—работала и тогда добросовѣстно, и такъ вплоть до глубокаго снѣга, и выходила изъ этой работы молодцомъ, свѣжей, не перевалившейся. Гдѣ теперь эта дивная собака, которая такъ тѣшила старыхъ охотниковъ своимъ азартнымъ, залиvistымъ голосомъ, прямо захватывающимъ за душу? Тогда не было упалого, не знали, что такое сколъ. Да и много ли теперешнихъ охотниковъ слышали такихъ собакъ? Теперь все смѣшалось съ лопоухими, тупомордыми западными породами и врядъ ли придется вернуть прежнюю костромскую гончую.

Мнѣ могутъ возразить, что пожалуйста-де на выставку, мы вамъ покажемъ собакъ, не отличающихся типомъ нисколько отъ прежнихъ костромскихъ. Но позвольте, господа! вѣдь дикая яблоня очень похожа по своимъ листьямъ и штамбу на культурную, да яблоки-то у нея горькія. Я согласенъ съ тѣмъ, что, вслѣдствіе извѣстнаго подбора и скрещиванія, получилась гончая собака, по типу нѣсколько подходящая къ прежней костромской, называемая нынѣ «русская гончая», но это только пародія на тотъ оригиналъ, который нѣкогда тѣшилъ старыхъ охотниковъ. 15 лѣтъ тому назадъ я еще видѣлъ на выставкахъ типичныхъ русскихъ собакъ, но за послѣднее время почти ничего; все больше—какія-то растянутыя, безреберныя, лопоухія, на жиденькихъ ножкахъ, безкостныя и безтипичныя, въ какомъ-то своеобразномъ типѣ. Неужели халатное отношеніе къ веденію породъ утратило прежній типъ костромской гончей? Да вѣдь не всѣ же такъ халатно относились къ своимъ собакамъ, были и есть охотники, люди, весьма свѣдущіе въ животноводствѣ и люди способные, съ талантомъ, которые съ большой любовью относились къ своимъ гончимъ, принимали всѣ мѣры къ улучшенію своихъ собакъ, однако и тамъ прежній типъ утрачивался, на ряду съ нимъ получались признаки, нежелательные для данной породы, полевые качества ухудшались, порода гасла и пропадала стая за стаей отличныхъ собакъ... Есть, правда, и теперь

стаи, напоминающія своимъ типомъ прежнихъ костромскихъ гончихъ, да въ работѣ-то онѣ непохожи на своихъ предковъ,—все больше около лошади, а если гонять, доѣзжающій виситъ на стаѣ, чуть отсталъ,—глядь, собачки тише да тише—и бросили. Эхъ, вы, нынѣшнія русскія гончія, нѣтъ въ васъ ни утѣхи, ни удали!... Лѣтъ 12—15 тому назадъ сколько еще было хорошихъ одиночныхъ собакъ раскидано у ружейниковъ и нѣкоторые собаки, какъ по типу, такъ и по работѣ, настолько еще живы въ памяти, что считаю не лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Помню, однажды весной 18*.* я слѣзъ со станціи Подсолнечная, Николаевской жел. дор., и отправился на тягу и тока верстъ за 20 вправо отъ желѣзной дороги, въ одну частную дачу, къ лѣснику, живущему въ сторожкѣ въ лѣсу. Выжлецъ, котораго я у этого лѣсника встрѣтилъ, поразилъ меня своимъ породнымъ видомъ. Выжлецъ этотъ былъ чудный, съ нѣсколько красноватыми и довольно рѣзко очерченными подпалами, нѣсколько вздернутый на ногахъ, но съ хорошимъ ребромъ, съ короткой, сбитой колодкой, съ энергичнымъ, круто поставленнымъ гономъ. Этотъ выжлецъ, если и носилъ въ себѣ долю польской крови, былъ такой молодецъ, что за него за одного можно было отдать цѣлую стаю нынѣшнихъ медальеровъ. Страстно захотѣлось пріобрѣсти этого выжлеца въ собственность, но лѣсникъ ни за что не соглашался его продать. На другой день вечеромъ по моей просьбѣ выжлецъ былъ пущенъ и оказался великолѣпнымъ мастероватымъ гонцомъ съ замѣчательно звучнымъ башурнымъ голосомъ.

На другой, кажется, годъ мнѣ довелось видѣть въ Московскомъ же уѣздѣ, тоже по Николаевской ж. д., отъ полустанка Сходня верстахъ въ 15 налѣво отъ желѣзной дороги, смычокъ изъ двухъ выжлецовъ, тоже необыкновенно ладныхъ и типичныхъ; одинъ, кличкою, если не ошибаюсь, кажется, «Гудокъ», типомъ подходилъ къ тому выжлецу, что былъ у сторожа, но былъ подлиннѣе колодкой, пониже на ногахъ, тоже черный, въ ярко-желтыхъ расплывчатыхъ подпалахъ, страшно широкой и сухой; другой по окрасу былъ совершенный волкъ,—даже гонъ формой и характеромъ его держать напоминалъ волчій, при встрѣчѣ съ чужими собаками выж-

лець ставилъ его совершенно султаномъ, — былъ покороче колодкой черного, съ длиннымъ щипцомъ, съ сильно выдающимся чутьемъ и съ очень короткимъ, треугольнымъ, плотно прилегающимъ къ ушнымъ раковинамъ ухомъ, очень подвижнымъ, при чемъ выжлецъ часто закладывалъ ихъ совершенно назадъ, особенно, когда былъ въ возбужденномъ состоянїи. И какъ же этотъ смычокъ работалъ, что это были за голоса!... Ну, право же, 10 теперешнихъ гончихъ, даже изъ хорошей стаи, не въ состоянїи были бы покрыть этотъ могучій концертъ двухъ собачьихъ пѣвцовъ. Я не скажу, чтобы они были неимоვნно параты и висѣли у звѣря на хвостѣ, но какъ бывало поднимуть, зальются своими залиvistыми голосами, — некогда бѣдному звѣрю подъ ними петлять. Бывало, зайчишка выкатитъ на поляну, скинется туда-сюда, а ужъ гроза надвигается, близко, и некогда косому плутовать, катить въ другую опушку, а выжлята длиннымъ, размашистымъ наметомъ выкатятъ съ ревомъ на поляну, и не слышишь, были ли сколь на заячьей двойкѣ или они просто на секунду перехватили чистаго лѣснаго воздуха, чтобы еще азартнѣе, еще бурнѣе допекать бѣднаго косога. За этихъ собакъ не приходилось, бывало, слушая, опасаться, что онѣ сколются, замолчать и самъ ступай разыскивать звѣря. У подобныхъ собакъ ни по бѣляку, ни по русаку скола почти не бывало, ужъ развѣ прямо въ невозможную для гона погоду, такъ какъ эти собаки не гонятъ только тогда, когда хозяинъ ихъ или уѣзжалъ или былъ пьянъ и онѣ сидѣли взаперти. Бывало, три-четыре круга зададутъ косому, устанетъ плутъ, сузить кругъ насколько можно и начнетъ тыкаться изъ стороны въ сторону, но и въ такихъ случаяхъ не приходилось косому отдѣливаться: живо подбудятъ завалившагося плута да такъ нажмутъ, что тотъ изъ послѣднихъ силъ стеганетъ въ какую-нибудь гривку плотной заросли, чтобы тамъ запасть, запасть такъ плотно, что только налетѣвшая на него вполоть гончая, хлопнувшій по немъ арапникъ заставятъ косога покинуть свою лежку. Въ этихъ случаяхъ заяцъ почти всегда былъ стрѣлянъ и собакамъ рѣдко доставался не тронутый зарядомъ, но, я знаю, бывало и такъ, что послѣ жаркаго гона слышался перебрехъ, и все смолкало. Волковъ этими собаками гонять мнѣ не при-

ходило, но лисицъ владѣлецъ ихъ изъ-подъ нихъ побилъ не мало. Сколько я съ этими собаками ни охотился, я никогда не видалъ, чтобы ихъ хозяину пришлось съ охоты вести домой; мы обыкновенно возвращались къ ночи домой, собаки же приходили или на утро или къ вечеру слѣдующаго дня. Поэтому хозяинъ, зная, что я приду на охоту, обыкновенно дня за два уже ихъ не выпускалъ. Два года я потомъ не посѣщалъ эту мѣстность и когда съ этимъ крестьяниномъ встрѣтился, то онъ съ грустью разсказалъ мнѣ печальную исторію своихъ собакъ. Одного на падали разорвали волки, другой во время собачьей свадьбы увязался за сукой и уже болѣе не возвращался.

Да, давно это было, но какъ все это сохранилось въ памяти! Мало гдѣ осталось теперь типичныхъ русскихъ собакъ, да и осталось ли? Да и много ли охотниковъ ведутъ дѣло разведенія гончихъ собакъ съ толкомъ, да и многіе ли это дѣло понимаютъ?—вяжутъ гончую гонящую съ гонящей, не признавая ни типа, ни родословной и хотя бы самыхъ поверхностныхъ понятій о животноводствѣ. Я знаю охотниковъ, которые говорятъ, что порода для нихъ безразлична, имъ важно одно—лишь бы гоняла, а тамъ какой-то типъ, что за ерунда, да и къ чему онъ нуженъ! Гоняетъ, ну, и прекрасно, а тамъ, длинное ли у нея ухо или короткое, черная она или багряная, уродъ или ладная—все равно, и держать такіе господа своихъ собакъ у какого-нибудь сторожа или крестьянина, а сами компаніей, съ закусками и выпивками, посѣщаютъ по праздникамъ ту деревню, гдѣ содержатся собаки, рѣшительно ни одного раза не заглядывая, гдѣ живутъ онѣ, что ѣдятъ, да и ѣдятъ ли? Иногда такая импровизированная охота имѣетъ нѣсколько смычковъ или, лучше сказать, собачьяго сброда, и въ одно прекрасное время, обыкновенно къ осени, когда у этихъ господъ принято вспоминать о гончихъ, имъ сообщаетъ ихъ пріятель-крестьянинъ, часто даже авторитетъ, что «Затѣйка» принесла четырехъ *рыбыхъ* щенка, должно, въ «Соловейку» ~~будутъ~~; и господа ликуютъ, что стая умножилась и есть щенки отъ «Затѣйки», вѣдь это *знатная* собака, если же щенки отъ «Соловья»—и того лучше.

Вотъ ~~вамъ~~ картинки многихъ нашихъ русскихъ ружейныхъ

охоть. Да и многіе псовые охотники недалеко ушли отъ этихъ «Затѣкъ» и «Соловьевъ». Мнѣ часто приходилось слышать: «гончая — это чернорабочая сила, выставить изъ острова звѣря — и дѣлу конецъ, а какія онѣ собой — это неинтересно». Немудрено, это при такихъ взглядахъ эта чернорабочая сила настолько плоха, что изъ острова въ 30 дес. десять смычковъ гончихъ въ сентябрѣ не могутъ выкинуть русака въ поле, а по волкамъ перебрехиваются, какъ старыя бабы по грибы, и то при условіи, если доѣзжацій съ выжлятниками сидитъ на стаѣ и блажитъ во все горло.

Со введеніемъ полевой пробы гончихъ собакъ общій уровень полевыхъ качествъ, конечно, скоро выяснится; но меня наводитъ на мысль слѣдующее: поведутъ ли тѣ господа охотники на состязаніе своихъ собакъ, которые такъ авторитетно иногда разбирали гончій вопросъ, тѣ, съ которыми спорить обыкновенному смертному не приходилось, тѣ, у которыхъ порода гончихъ велась отъ чистыхъ костромскихъ собакъ? А слѣдовало бы имъ пожаловать и привести собакъ; вѣдь ихъ собаки именно на полевыхъ испытаніяхъ заслужатъ почетное мѣсто; передъ лицомъ всей охотничьей братіи они покажутъ намъ своихъ собакъ, и вотъ тогда, если онѣ заслужатъ того, мы поставимъ ихъ на должную высоту и признаемъ въ нихъ достойнѣйшихъ.

Александръ Эмке.

